Писатель Борис Сандлер: не надо спасать идиш...

В редакции «Форвертс»

Как изучали идиш в СССР, когда выдающийся музыкант Евгений Кисин стал писать стихи на маме-лошн, почему идиш так популярен в ЛГБТ-среде и кто спекулирует на возрождении этого языка сегодня, — об этом и многом другом — писатель и журналист, автор 16 книг, участник Черновицкой конференции по языку и культуре идиш Борис Сандлер.

— В юности вы начали писать прозу на русском языке, но вскоре перешли на идиш. Откуда такой кульбит? И дело даже не в эпохе — просто читательская аудитория на имперском языке неизмеримо шире, чем на идише.

— Все просто — моим первым и единственным языком до пяти лет был идиш. Даже улицу, на которой я жил в Бельцах, в 1959 году переименовали в улицу

Шолом-Алейхема — к 100-летию писателя. Это была нижняя часть города, где жил простой люд — ремесленники, портные, балагулы — это фон, который формировал наш язык. На идише мы играли с пацанами, у многих родители практически не знали русского — Бессарабия ведь стала советской только в 1940 году.

С русским языком я столкнулся, когда пошел в музыкальную школу. Но вся среда, все, кто меня окружал, — родители, соседи, друзья — все они жили на идише. Впоследствии эти люди стали персонажами моих написанных по-русски рассказов, и я почувствовал, что… не то что бы вру, но… фальшивлю. Я ведь профессиональный музыкант — окончил консерваторию, много лет играл в симфоническом оркестре. И вдруг осознал, что в литературе играю фальшиво. Задумался и понял, что мои персонажи должны говорить на *своем* языке.

Бельцы, 1950-е

Вскоре судьба свела меня с Ихилом Шрайбманом — я играл с его сыном-скрипачом в одном оркестре. Шрайбман на то время был единственным еврейским писателем в Молдавии. Так началось наше общение, и я стал быстро учиться и параллельно писать — мне уже было под 30. После концерта возвращался обычно в 23.30, запирался в туалете (мы жили с женой и маленьким ребенком в общежитии) и начинал работать. Первая моя

публикация — три небольших рассказа в «Советиш Геймланд» — вышла в 1981 году. Звуковым камертоном стала речь покойной бабушки — она говорила идиоматическими оборотами, но героями были мои сверстники, идишем не владевшие, — с тех пор я часто пишу от первого лица — как бы пропуская через себя. Так выходит правдоподобнее.

Вскоре после первой публикации мне предложили поступать в группу идиша на Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького в Москве — и это тоже судьба, ведь с конца 1940-х такой возможности в принципе не было.

Ихил Шрайбман

— Самое застойное время, разнузданная антиизраильская кампания, расцвет государственного антисемитизма. Не чувствовали, что являетесь неким прикрытием режима, пытающимся сохранить лицо? Или играли в свою игру, пытаясь выжать максимум из открывшейся возможности заниматься любимым делом на своем языке?

— Мы понимали, что являемся частью системы, которая нас использует. Но я хотел стать профессиональным писателем и то, что появилось место, где можно получить необходимые знания, рассматривал как чудо. Моя первая книжка так и называлась — «Ступени к чуду». И, что еще важнее, здесь я обрел писательскую среду. Не только еврейскую, — рядом жили и учились писатели со всего Советского Союза и даже из-за границы.

У каждого из нас была отдельная комната, стипендия составляла 150 р., при том, что в оркестре я получал 120. Система образования была лицеистской, например, семинар поэзии вел Александр Межиров, о литературе 1920-х годов рассказывал Зиновий Паперный.

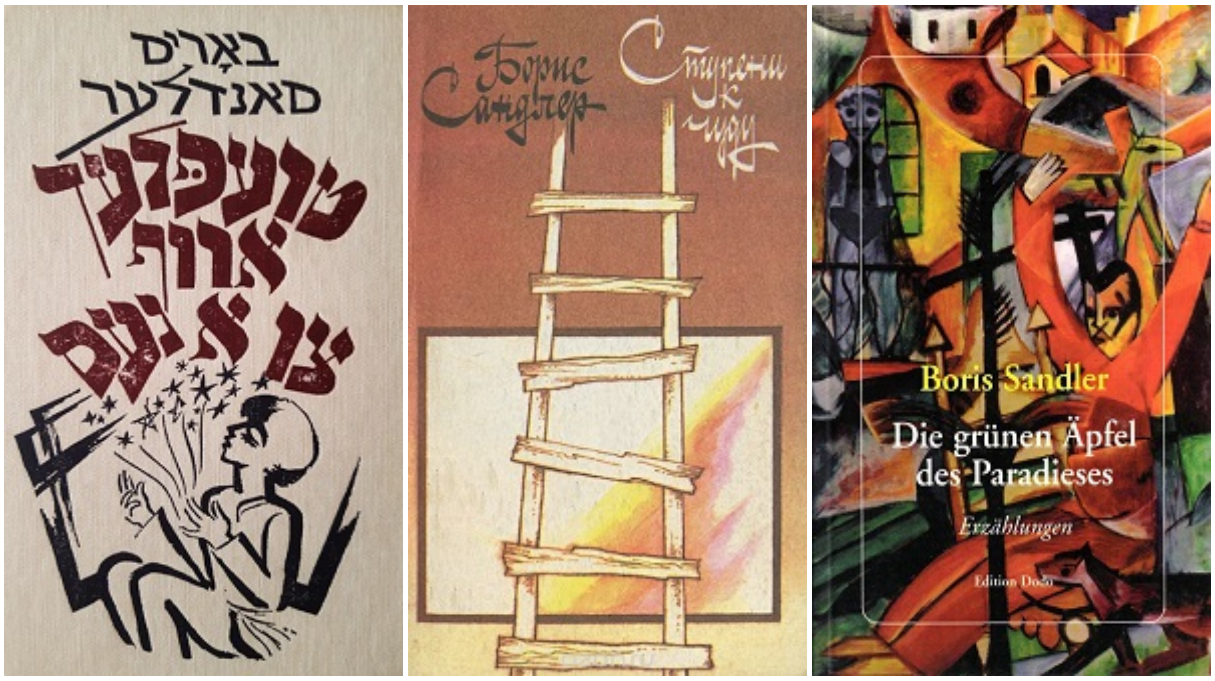
Еврейские писатели преподавали на идише — Хаим Бейдер, Ривка Рубина, Мойни Шульман — последние из могикан, у которых было чему поучиться.

— На сегодняшний день Борис Сандлер — автор 16 книг. Одна из них — «Глина и плоть» — написана в жанре криминального детектива — уникальном для литературы на идише.

— Готовить этот роман я начал еще в Союзе, получив, как член СП, доступ в архивы. В 1919 году под редакцией Семена Дубнова и Григория Адмони-Красного в Петрограде вышел сборник документов о еврейских погромах в России. Успели издать только первый том, и я его нашел — так документы следствия по Дубоссарскому и Кишиневскому делам 1903 года послужили основой романа.

Почему он криминальный? Все началось в Дубоссарах, где убили христианского мальчика. Следователю было очевидно, что убийство совершено на семейной почве (мальчика убил двоюродный брат — из-за наследства), но власть решила разыграть еврейскую карту. Что было актуально, учитывая подъем революционного движения на юге империи, где множество евреев состояли во всех революционных партиях — от БУНДа до

РСДРП. Я нашел эти архивы, обнаружил даже фото на стеклянных пластинах. Вторым источником стала черносотенная газета «Бессарабец», основанная Павлом Крушеваном, и дневник молодого Крушевана — весьма занимательное чтение.



Книги Бориса Сандлера на разных языках

На протяжении всего романа идет следствие, а в финале главный герой — наводчик на еврейские дома — в ходе погрома защищает евреев и, будучи ранен, попадает в еврейскую больницу (дневник директора этой больницы я тоже читал). Книга вышла к столетию Кишиневского погрома, но это не единственное мое криминальное произведение. Два года назад я начал писать детективную повесть, состоящую из отдельных рассказов. Главный герой — любавичский хасид, живущий в Нью-Йорке и приехавший когда-то из России, где учился в иешиве в Марьиной роще. Сейчас он частный детектив, ведущий дела во Флэтбуше — одном из районов Бруклина, где живут ортодоксальные евреи.

— После репатриации в 1992-м вы стали заместителем председателя Союза писателей (идиш) Израиля. Кем были эти люди и, главное, кто их читал?

— Большинство этих писателей уже тогда разменяли седьмой или восьмой десяток — как правило, польские и литовские евреи, пережившие Холокост.

Именитых литераторов было немного — Мордехай Цанин, Авром Суцкевер.

Надо понимать, что литература на идише в Израиле была реанимирована людьми, до войны не считавшими себя писателями. Собственно, литературой никто из них и не жил, на иврит их не переводили, книги тиражами в 200 — 300 экземпляров издавались за счет авторов или частных фондов.

Они существовали в своем языковом гетто, ведь даже тираж крупнейших журналов на идише — например, «*Ди Голдене кейт*» под началом Суцкевера — не превышал полутора тысяч.

— В 1998-м вас приглашают в Нью-Йорк на должность редактора старейшей еврейской газеты «Форвертс». За 18 лет вы превратили ее в международное ежедневное издание с десятками корреспондентов на пяти континентах, сайтом, радио и видеоканалом. Это грандиозный успех для светской газеты на маме-лошн, но в исторической перспективе судьба «Форвертс» иллюстрирует судьбу идиша в Америке. Если в начале прошлого века у газеты было более 200 000 (!) читателей, то сегодня нет и 5 000…

— Да, современный идиш — это мальчик Мотл — ни своего очага, ни крыши, ни дома. Сегодня он ушел в академическую сферу — это хорошо иллюстрирует наша конференция — сто десять лет назад среди ее участников было 90% писателей, сейчас, главным образом, филологи и культурологи. Так что говорить о каком-либо возрождении идиша — спекуляция чистой воды.

Разносчики «Форвертс», март 1913

— Но у молодых американских евреев, чьи предки были родом из Восточной Европы, существует мода на возвращение к корням? Разве идиш не становится частью этой моды?

— Молодые американские евреи скорее озабочены утверждением толерантности и борьбой за права человека. И идиш, кстати, вписывается в эту схему… Меня давно интересовало, почему идиш так популярен в ЛГБТ-среде — это видно невооруженным глазом — множество семинаров, театральных ивентов и т.д. Однажды приятель — профессор идиша и гей — объяснил мне, в чем дело. «Понимаешь, — сказал он, — евреи-гомосексуалы почувствовали, что идиш так же ущемлен, как ущемлены они в своей ориентации. Чувство меньшинства объединяет». Для американских евреев очень характерно принимать сторону униженных и оскорбленных, а культура идиш унижена. Многими движет простой порыв — протянуть руку, прийти на помощь. А потом эта культура многих затягивает в свою орбиту.

— Как вам удалось «подсадить» на идиш одного из лучших пианистов современности Евгения Кисина? Это ведь с вашей подачи он выпустил диск с записью 36 стихотворений поэтов-идишистов разных лет в своем исполнении — на блестящем идише.

— Однажды я признался, что использовал Женю **—** когда он прислал свои первые стихи, я сразу понял, что именно люди с таким громким именем могут пробудить у широкой аудитории интерес к идишу.

Хотя «подсаживать» не пришлось **—** он «инфицирован» идишем с детства. Еще в годы учебы в Гнесинке на вечере национальных культур он задумался **—** а есть ли у меня национальная культура и литература? И вспомнил, что дедушка с бабушкой говорят на даче на *своем* языке, и это вовсе не русский.

Так все и началось. Кисин **—** не просто музыкальный гений, он очень глубокий человек, к тому же с феноменальной памятью. Читая Шолом-Алейхема, он штудировал все сноски, объяснявшие те или иные аспекты еврейской традиции. А в каждый его приезд в Нью-Йорк мы сидим часами **—** почему вы здесь исправили, почему там поменяли слово. Он доходит до самой сути и при этом все хватает на лету.

Мы записали с ним три диска из еврейской поэзии, которую он читал наизусть. Первый CD **—** из мировой еврейской поэзии, второй **—** из советской еврейской, а на третьем **—** программа к столетию Ицхака Лейбуша Переца, с которой он выступил в Карнеги-холл. В первом отделении читал стихи на идише, а во втором **—** играл. Сейчас я готовлю книгу рассказов и стихов Жени

на идише — это очень талантливо.

С Евгением Кисиным, Нью-Йорк, 2017

— История воодушевляющая, но вряд ли типичная. И вопрос — кто будет говорить и читать на идише завтра — она не снимает…

— Разумеется, таких, как Кисин, — единицы, хотя его пример заразителен — скажем, в Торонто русскоязычные евреи обнаружили интерес к идишу именно после выступления Жени.

Но в целом — ситуация печальная. Да, в Израиле идиш факультативно преподается в нескольких десятках школ. Репатриировавшись в 1991-м, я через неделю уже работал — преподавал идиш в трех школах — приходили даже йеменские детки и хорошо учились. Но при этом, когда я начал на голом энтузиазме издавать детский журнал «Кинд-ун-кейт» и просил коллег написать что-то для детей, — на меня смотрели как на идиота. Это самое

слабое звено, ведь завтра на идише действительно некому будет говорить.

Отсутствует и система подготовки учителей для школ, да и сами школы с преподаванием идиша еще нужно найти. В Канаде, в отличие от других стран, на государственном уровне помогают национальным школам. Но когда один энтузиаст захотел открыть в такой школе группу идиша, что обошлось бы учащимся всего $10 в год, — даже на это родители не пошли.

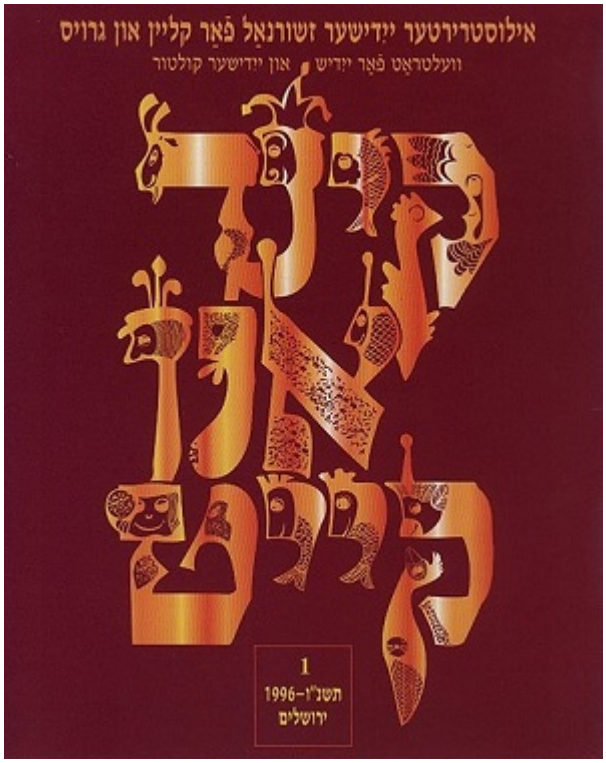
Но об этом на академических конференциях вы не услышите — здесь обсуждают более важные проблемы — образование множественного числа имен существительных в идише сатмарских хасидов, фонетический контраст длинных и коротких гласных звуков в унтерландском идише и т.п. При этом я не могу уговорить коллег хотя бы на конференции по идишу говорить на идише, а не на английском…

Когда-то я вел в Нью-Йорке семинар прозы два раза в месяц — сегодня мои ученики в состоянии написать статью на идише, чего не может сделать большинство из участников этой конференции.

Подчеркну, что все вышесказанное относится исключительно к проблемам светского образования на идише. У хасидов своя изолированная система, хотя за этим «железным занавесом» много интересного. Я привел в «Форвертс» несколько талантливых хасидов, и они под псевдонимами начали писать. Не дай Б-г узнают в общине — удар обрушился бы не только на самих эпикойресов, но и их детей — вплоть до исключения из иешивы.

— А что Израиль? Еще в 1990-е Кнессет признал идиш и ладино национальными языками еврейского народа. Это чисто формальная декларация или она имела какие-то практические последствия?

— Как любое решение правительства — кость брошена, а дальше разбирайтесь сами. Началась грызня, судебные процессы, а работа остановилась. В последние годы старики ушли, поле брани пожидело, страсти поутихли. Есть театр, приравненный к фольклорному коллективу, который получает какие-то дотации, издается библиотечка еврейской литературы, есть курсы в университетах, где, как и везде в мире, преподают не столько идиш, сколько *об идише*.



Журнал «Кинд-ун-кейт», Иерусалим, 1996

Книга Бориса Сандлера «Небылицы»

— Где у идиша больше шансов на спасение? И не станут ли эти усилия попыткой провернуть фарш обратно?

— Не надо спасать идиш и не надо хоронить идиш. Я помню еще с детства как евреи любят похороны. Когда приходили с похорон, бабушка спрашивала: «С'ыз гевэн а гройсе левайэ?» («Были большие похороны?»)

Идиш — столь мощная культура, что она сохранится, и всегда найдется Кисин, который поддержит интерес к этому языку у соплеменников. Конечно, очень важна консервация — сейчас идет процесс оцифровки десятков тысяч образцов разговорного идиша — можно услышать, как говорили в Галиции, в Литве, в Бессарабии. Не будь консервации иврита на протяжении тысячелетий, он не стал бы государственным языком Израиля.

Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов ультраортодоксов. Раньше они тайком листали бумажный «Форвертс», сейчас просматривают Интернет-журналы на идише в своих айфонах, и никто их не может засечь. Они читают Хаима Граде, Башевиса Зингера, потому что те описывали, как они живут

сегодня, как жили их отцы и деды. И дети их будут читать, так что ниточка существует.

Возможно, произойдет Большой взрыв. Кто мог представить150 лет назад, что возродится иврит? Сегодня мяч на поле хасидов, пусть даже это поле иногда покрывается сорняками. В Нью-Йорке работают два хороших театра на идише, практически каждый вечер проходят какие-то мероприятия, собираются группы молодежи. Летом в Европе и США — настоящий всплеск еврейской активности — фестивали идиша, семинары и интенсивы. Идиш, как живое существо, — мимикрирует, мигрирует, меняет форму. Язык очень изменился со дня Первой черновицкой конференции 1908 года — и это свидетельство его живучести. Поэтому нам трудно предсказать, что может произойти.

Очень важны переводы на другие языки. К идишу стали относиться по-другому после того, как Башевис Зингер получил Нобелевскую премию. А получил он ее во многом благодаря многочисленным переводам на английский язык. Пусть произведения, созданные на идише, зазвучат на английском, русском, украинском. Большой язык открывает дорогу не только к отдельному писателю, но и всей литературе.

Другое дело, что Башевиса, по его же просьбе, переводят на другие языки с английского — и это неправильно. Но японцы, например, специально изучают идиш, чтобы переводить с оригинала. С другой стороны, есть евреи, которые знакомят носителей идиша с другими культурами. Мой хороший знакомый Шмуэль Перлин провел в Китае больше года, где работал над словарем местных диалектов и параллельно, по моему предложению, присылал оттуда репортажи на идише. Их можно увидеть на YouTube. Важно помочь таким энтузиастам — за ними будущее.

Беседовал Михаил Гольд